

DOI: 10.31696/S086919080032070-4

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИЛ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ИРАКА. ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ?¹

© 2024

Р.Ш. МАМЕДОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9783-5500; rshmamedov@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается формирование Сил народного ополчения (СНО, аль-хаид аш-шаабий) в рамках гибридизации системы безопасности Ирака, а также прослежена трансформация роли СНО в 2014–2023 гг. Распространение террористической организации «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ, запрещена в РФ) в 2014 г. стало серьезным вызовом иракской государственности. Это событие произошло в результате вывода вооруженных сил США из Ирака в 2011 г. и в условиях конфликта политических элит. Неспособность иракских вооруженных сил сдержать ИГИЛ вывела на первый план многочисленных негосударственных акторов, вооруженные группировки, в основном, представлявшие шиитскую часть населения страны. Их легитимация связана с фетвой шиитского духовного лидера Ирака Али ас-Систани о защите родины. В ответ на эту фетву была проведена мобилизация и были образованы Силы народного ополчения, куда эффективно влились и интегрировались уже существовавшие до 2014 г. вооруженные группировки. Эти процессы протекали в условиях конкуренции США и Ирана за влияние в Ираке. В статье отмечается, что такие проиранские группировки СНО, как Организация Бадр, Асаиб Ахль аль-Хак и Катаиб Хизбалла, хотя и были меньшей по численности частью СНО, доминировали в принятии решений. Появление СНО как нового элемента системы безопасности Ирака исправило ситуацию на фронте и дало возможность для проведения необходимых реформ в армии. В статье проведен анализ современных вызовов, с которыми сталкиваются СНО, а также прослежена эволюция роли СНО с 2014 по 2023 г. В статье продемонстрировано, что СНО осуществляют влияние за рамками исключительно военной сферы, распространяя его как на политическую, так и на экономическую сферу в государстве. При этом фиксируется курс центральных властей на стратегическую интеграцию вооруженных групп СНО в систему безопасности страны в условиях незавершенного государственного строительства.

Ключевые слова: Ирак, Ас-Систани, элита, фетва, аль-хашд аш-шаабий, народное ополчение

Для цитирования: Мамедов Р.Ш. Трансформация сил народного ополчения Ирака. Интеграция в политическую и экономическую элиту? *Восток (Oriens)*. 2024. № 5. С. 83–94. DOI: 10.31696/S086919080032070-4

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00056, <https://rscf.ru/project/24-78-00056/>

TRANSFORMATION OF THE IRAQI POPULAR MOBILIZATION FORCES:
INTEGRATION INTO THE POLITICAL AND ECONOMIC ELITE?

© 2024

Ruslan Sh. MAMEDOV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9783-5500; rshmamedov@gmail.com

Abstract: *The article examines the formation of the Popular Mobilization Forces (PMF, al-Hashd al-Shaabi) as part of the hybridization of the Iraqi security system, as well as traces the transformation of the role of the PMF during 2014–2023. The spread of the terrorist organization “Islamic State in Iraq and the Levant” (ISIL, banned in the Russian Federation) in 2014 became a serious challenge to Iraqi statehood. This event occurred as a result of the withdrawal of US Armed Forces from Iraq in 2011 and in the context of a conflict among the political elites. The failure of the Iraqi armed forces to contain ISIL brought forward numerous non-state actors, armed groups, mainly representing the Shiite part of the country’s population. Their legitimization is associated with the fatwa of the Shiite spiritual leader of Iraq Ali al-Sistani. The emergence of the PMF as a new element of the Iraqi security system corrected the situation at the front and made it possible to carry out some necessary reforms in the army. The article analyzes the current challenges faced by PMF, and traces the evolution of the PMF’s role from 2014 to 2023. The article demonstrates that the PMF leaders exercise influence beyond the exclusively military sphere, extending it to both the political and economic spheres of the state. At the same time, the central authorities are aimed at the strategic integration of the PMF armed groups into the country’s security system in the conditions of continued state building evolution.*

Keywords: Iraq, Al-Sistani, elite, fatwa, Al-Hashd Al-Shaabi, Popular Mobilization Forces

For citation: Mamedov R.Sh. Transformation of the Iraqi Popular Mobilization Forces: Integration into the Political and Economic Elite? *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 5. Pp. 83–94. DOI: 10.31696/S086919080032070-4

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В исследовательской среде на протяжении последнего десятилетия укрепляется внимание к вопросам негосударственных вооруженных формирований, а также трансформации и гибридации системы безопасности. Это безусловно тянет за собой круг дополнительных вопросов, ключевым среди которых является вопрос отношений негосударственных вооруженных акторов (Non state armed actors) и государства. В одних случаях вооруженные негосударственные акторы (далее – НГА) выступают антиправительственными и нацелены на распад государства, в других случаях они могут быть лояльны государству и даже финансироваться им. В этом контексте довольно уникален случай одного из крупнейших ближневосточных движений – Сил народного ополчения (СНО) Ирака. Образованные как разрозненные вооруженные группировки организации СНО в итоге трансформировались в легальную значительную вооруженную, политическую и экономическую силу, конкурирующую за власть в иракском государстве.

На Западе тематикой негосударственных акторов начали заниматься с 1960-х гг. Известны труды А. Уолферса [Wolfers, 1962], Дж. Бертон [Burton, 1968], Дж. Розенау

[Rosenau, 1969], Дж. Ная и Р. Кохейна [Nye, Keohane, 1971]. В России стоит отметить работы М.М. Лебедевой [Лебедева, 2019], П.А. Цыганкова [Цыганков, 2013]. Отдельного внимания заслуживают работы В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова [Наумкин, Кузнецов, 2020], посвященные непосредственно отношениям вооруженных НГА и государств (на примере Ближнего Востока). В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов определили, что разделение негосударственных акторов на государствоцентричных и геоцентричных (они делят НГА вслед за Дж. Наем и Р. Кохейном) должно быть уточнено. Российские исследователи предлагают в части государствоцентричных НГА разбивать их по категориям: 1) структуры, действующие в интересах того или иного государства, плотно взаимодействуя с государственными институтами; 2) организации, которые, хотя и действуют в собственных интересах, всё же плотно взаимодействуют с конкретными правительствами, так или иначе встраиваясь в предлагаемую систему политических и экономических отношений; 3) игроки, которые, не будучи связаны с конкретными правительствами или даже находясь в противостоянии им, сохраняют государствоориентированное поведение [Наумкин, Кузнецов, 2020, с. 110].

Здесь в иракском контексте возникает знаменательный парадокс – СНО до 2016 г. можно назвать государствоцентричным вооруженным НГА, но с конца 2016 г. – это формально легализованный государственный институт. В данной статье мы ставим целью проанализировать этот процесс – как проходила трансформация НГА (на примере СНО) в законный институт, а также как лидеры НГА интегрировались в политическую и экономическую элиту государства. Нам приходится поднимать вопрос именно об эволюции и трансформации как системы безопасности Ирака, так и политической элиты, поскольку лидеры групп СНО в последнее десятилетие стали занимать позиции не только в военной, но и в политической и экономической сферах.

Среди основных исследователей истории формирования, развития и роли СНО в современном Ираке стоит назвать И. Аль-Мараши [Al-Marashi, 2023], И. Рудольф [Rudolf, 2018, 2023], Ф. Хаддада [Haddad, 2018], Я. Эриксона, И. Грифа [Eriksson, Grief, 2023], Э. Гастон и Д. Олливант [Gaston, Ollivant, 2020], Р. Мансура [Cambanis et al., 2019] (например, его статью о СНО для коллективной монографии *Hybrid actors. Armed groups and state Fragmentation in the Middle East*), Ф. Раза [Raza, 2021]. В России этому вопросу уделялось внимание в работах Р.Ш. Мамедова, М.А. Сапроновой [Мамедов, Сапронова, 2021], Г.Л. Крылова [Крылов, 2021]. Стоит отметить, что исследователи замечают, что природа иракского государства и СНО зачастую неверно трактуется политиками и лицами, принимающими внешнеполитические решения. В основном это связано с вопросом внешнего фактора.

Внешнее вмешательство уже давно является критически важным для динамики политического процесса в Ираке. Считается, что с 2003 г. США (несмотря на то, что большая часть иракской постсаддамовской элиты связана скорее с Британией) и Иран стали конкурировать за влияние на вновь создаваемые институты безопасности Ирака. США стремились установить контроль над министерством обороны, разведкой и связанными с ними силами, в то время как Иран посредством своих прокси групп направлял деятельность министерства внутренних дел. Уже в 2010-е гг. Вашингтон и Тегеран дополнили свою гибридную политику в Ираке новыми структурами. Американцы продвигали движение суннитских племен «Сахва» для борьбы с террористами Аль-Каиды в Ираке, в то время как иранцы расширяли сеть шиитских вооруженных группировок при участии премьер-министра Ирака Нури аль-Малики (2006–2014). Тем не менее баланс влияния все более смещался на сторону Ирана: США при администрации президента Б. Обамы стремились выйти из Ирака, объявив об этом в конце 2011 г. Последовавший кризис в Сирии, политическая

нестабильность в Ираке (кризис второго премьерства Н. аль-Малики), а также падение цен на нефть вызвали идеальный шторм.

В 2014 г. террористы ИГИЛ² установили контроль над большими территориями Северо-Запада Ирака и приближались к Багдаду. Институты безопасности, выстраивавшиеся с 2003 г. в Ираке, не были способны отвечать не только на внешние, но и на внутренние угрозы. Политический кризис 2014 г. привел к смещению Н. аль-Малики. Место премьер-министра занял Х. аль-Абади (2014–2018), начавший процесс модификации и трансформации системы безопасности с учетом складывавшейся динамики. Политика правительства в борьбе против ИГИЛ³ получила поддержку со стороны различных этноконфессиональных групп. Именно в этих условиях население ожидало реакции высшего духовного лидера шиитов страны – великого аятоллы Али ас-Систани. 13 июня 2014 г. была издана его фетва – религиозно-правовое решение – о защите родины.

В состав СНО входили члены и группы всего религиозного, этнического и политического спектра в Ираке (как подробно описано ниже). Тем не менее доминировали в них шиитские ополчения, которые Соединенные Штаты долгое время считают иранскими прокси, — такие группы, как Организация Бадр, Асаиб Ахль аль-Хак и Катаиб Хизбалла. Они стали меньшей, но наиболее активной частью СНО.

Согласно официальному названию, «Организация народного ополчения» (хейат аль-хашд аш-шаабий) — одна из ключевых структур иракских вооруженных сил на современном этапе. В соответствии с официальным иракским дискурсом считается, что формирование данного органа состоялось в ответ на «фетву компетентного/достаточного джихада» (на араб. — «фатуа аль-джихад аль-кифайй»). В исследовательской среде скорее распространено мнение о том, что работа по формированию СНО началась за несколько месяцев до этого и непосредственное отношение к созданию шиитского ополчения имел руководитель подразделения Кодс Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Касем Сулеймани. Его усилия уже в середине апреля 2014 г. привели к формированию «Рот народной защиты» («Сарая ад-дифаа аш-шаабий») [Крылов, 2021, с. 129].

Несмотря на то, что именно в формулировке «фатуа аль-джихад аль-кифайй» фетва распространена у иракского населения и в СМИ, на самом деле слова «джихад» не звучало. Иракский шиитский духовный лидер, великий аятолла и марджаа Али ас-Систани действительно выступил с обращением через своего представителя в Кербеле шейха Абдель Махди аль-Кербалаи на пятничной молитве 13 июня 2014 г., но ближайшая к формированию военизированных сил смысловая часть выступления гласит (на арабском языке):

إن طبيعة المخاطر المحدقة بالعراق وشعبه في الوقت الحاضر تقتضي الدفاع عن هذا الوطن وأهله وأعراض مواطنيه وهذا الدفاع واجب على المواطنين بالوجوب الكفائي، بمعنى أنه إذا تصدى له من بهم الكفاية بحيث يتحقق الغرض وهو حفظ العراق وشعبه ومقدساته يسقط عن الباقيين

Перевод на русский язык:

«Характер опасностей, стоящих перед Ираком и его народом в настоящее время, требует защиты этой страны, ее народа и чести ее граждан. Эта защита обязательна (используется арабское слово «ваджиб» — прим. авт.) для граждан с достаточными обязательствами (на араб. — «биль-вуджуб аль-кифайй») в том смысле, что если тех, кто противостоит, достаточно для того, чтобы цель была достигнута — то есть, сохранить Ирак, его народ и его святыни — то оно [обязательство] не распространяется на остальных» [Ma Wardu fi Khutbati, 2014]. Таким образом, речь идет об обязанности (на араб. — «ваджиб кифайй»), которая

² Запрещена в РФ.

³ Запрещена в РФ.

касается общества и падает, если ее выполнило достаточное количество представителей этого общества.

Как было отмечено ранее, СНО как мобилизовали новых добровольцев, так и включили в себя уже существовавшие до 2014 г. шиитские военизированные группировки. Значимую часть этих группировок в академической среде и СМИ определяют, как «фасаиль» (с араб. – отряды) [Tashkilat al-Hashed al-Shaabi, 2023], группы сопротивления, или «аль-хашд аль-уалаи» (отсылка к лояльности этих групп верховному лидеру Ирана великому аятолле Али Хаменеи). Ключевые проиранские группы, образовавшиеся до фетвы 2014 г. в основном в 2005–2006 гг. – Бадр, Асаиб ахль аль-Хак, Катаиб Хизбалла [Dodge, 2020, p. 7]. Фетва ас-Систани позволила этим проиранским группам легитимизироваться в Ираке. Второй – большей – частью СНО стали «аль-хашд аль-марджайи» (отсылка к лояльности этих групп Али ас-Систани). Другое их название в литературе «хашд аль-атабат» – отряды, сформированные непосредственно при ключевых религиозных центрах Наджафа «аль-атабат аль-алийят» (العاليات العتبات; с араб. – «святые пороги»). Святые пороги – иракские инфраструктурные комплексы захоронений шести шиитских имамов и мечети при них, подчиняющихся хаузе (шиитская семинария, научный центр). «Некоторые из наиболее известных и связанных с религиозными центрами групп СНО включают боевую дивизию «аль-Аббас», Сарая аль-Атаба аль-Хуссейни, Лива Али аль-Акбар и Сарая аль-Атаба аль-Алабия (*Al-Abbas Combat Division, Saraya al-Ataba al-Hussainiya, Liwa Ali al-Akbar and Saraya al-Ataba al-Alawiya*)» [Haddad, 2020, p. 41].

Фетву Али ас-Систани многие иракцы считают ключевым событием, изменившим ход войны против ИГИЛ⁴, поскольку в ответ на издание фетвы начали оперативно формироваться мобилизационные отряды, внесшие крупный вклад в победу. Кроме того, фетва внесла вклад в формирование мышления сохранения иракского государства и необходимости его защиты от терроризма и экстремизма. Фетва была не столько призывом к шиитам, как можно было бы считать, поскольку ее издал шиитский духовный лидер, сколько носила национальный характер. Таким образом, сама по себе фетва не может восприниматься как вносящая раскол в общество, скорее наоборот – как укрепляющая связность многокомпонентного государства.

Фетва ас-Систани обозначила стратегическую позицию марджая и хаузы по включению в политический процесс в критические моменты для преодоления вызовов, стоящих перед государством. И это, конечно, парадокс, поскольку в целом считается, что иракский марджая Али ас-Систани придерживается «квиедистского подхода» – не вмешивается в политику [Мамедов, 2023, с. 201]. В основном именно активной позиции присутствия религиозных ученых в политике придерживаются конкуренты ас-Систани, в первую очередь, сторонники лидера Ирана рахбара Али Хаменеи. Иран традиционно для тех лет задействовал руководителя подразделения Кодс КСИР Касема Сулеймани, поручив ему предпринять необходимые действия для организации сопротивления терроризму в Ираке и Сирии [Esfandiary, Tabatabai, 2015]. Сегодня иранские эксперты продвигают нарративы о том, что К. Сулеймани стал тем, кто «претворял в жизнь» фетвы А. ас-Систани (как, например, в рамках выступлений иранских экспертов на международной конференции в Багдаде «Фетва достаточного усилия: значение – содержание – последствия», организованной Багдадским международным центром исследований и миростроительства 14.06.2023–17.06.2023 [International Scientific Conference, 2023]).

Окончательно СНО были легализованы в 2016 г., когда был принят Закон об «Организации народного ополчения». 26 ноября 2016 г. иракский парламент большинством голосов проголосовал за Закон № 40 от 2016 г., согласно которому: «Народное ополчение должно быть

⁴ Запрещена в РФ.

автономным военным формированием и частью Вооруженных сил Ирака, и должно быть связано с Главнокомандующим Вооруженными силами» [Law № 40, р. 3]. Таким образом, было принято сложное решение о включении СНО в ряды Вооруженных сил страны, но с отдельным финансированием. С этого момента СНО стали подчиняться премьер-министру Ирака через председателя Организации народного ополчения. В настоящее время эту позицию занимает влиятельный иракский политик Фалех аль-Файяд, ранее совмещавший ее с должностью советника по национальной безопасности (в 2020 г. на посту советника по национальной безопасности его сменил другой влиятельный политик, выходец из организации «Бадр» и бывший министр внутренних дел – Касем аль-Аараджи). Тем не менее были и противники Закона № 40 от 2016 г.

Серьезные возражения по поводу принятия закона выразили суннитские политики парламента. Парламентская коалиция объединённых сил за реформы «аль-Муттахидун» за день до голосования в парламенте объявила в своем послании, что закон вредит политическому процессу и содержит угрозы стабильности страны [Muttahidun, 2016]. В послании также отмечалось, что формирование новых институтов безопасности наносит ущерб двум крупным органам сил безопасности — министерствам обороны и внутренних дел. В конечном счете, перечисленные факторы, по их мнению, могли привести к нарушению баланса между институтами системы безопасности Ирака. Риски понимали и центральные власти Ирака, что выразилось в дальнейшем институциональном оформлении СНО – постановлении правительства премьер-министра Хайдара аль-Аббади № 85 от 8 марта 2018 г. (было внесено уточнение званий служащих СНО, бойцы СНО были уравнены по категориям с рядовыми и офицерами ВС Ирака с точки зрения денежного довольствия и мер социальной поддержки). Затем последовали два постановления правительства премьер-министра Адиля Абдельмахди № 237 и № 331 от 2019 г. Постановления включали положения, что «до 31 июля 2019 г. собственные имена подразделений народного ополчения должны быть заменены общей армейской номенклатурой (дивизия, бригада, полк и т. д. с соответствующей нумерацией). Каждому из них назначалось определенное место дислокации по аналогии с другими подразделениями ВС. Какая-либо политическая идентификация не предполагалась, представительства закрывались, коммерческая и иная деятельность вне рамок регулярной воинской службы была запрещена» [Крылов, 2021, с. 135]. Видоизменялась и структура командования – упомянутый Ф. аль-Файяд сохранял свои позиции, однако всесильный и наиболее авторитетный военный лидер, герой войны против ИГИЛ⁵, заместитель председателя СНО Абу Махди аль-Мухандис, видимо, был серьезным конкурентом багдадским политикам. 3 января 2020 г. в результате атаки американских ВВС в районе аэропорта Багдада были убиты Сулеймани и аль-Мухандис.

Помимо *Председателя*, организационная структура включает круг его помощников и советников, в том числе *секретаря* (пост занимает Тахсин аль-Хусейни – Абу Мунтазар), *командующего операциями* (Аднан аль-Басри – Абу Али) и *советника председателя* (Маана аль-Казыми).

Должность Председателя связана с позицией *Начальника штаба* Народного ополчения, которую в настоящее время занимает Абдельазиз аль-Мухаммадави (Абу Фадак). Аль-Мухаммадави, будучи выходцем из Катаиб Хизбалла, сменил Абу Махди аль-Мухандиса после его смерти в 2020 г. Несмотря на то, что багдадские власти после смерти аль-Мухандиса видоизменили структуру – была исключена позиция заместителя Председателя – тем не менее именно аль-Мухаммадави считается заместившим аль-Мухандиса и получившим его полномочия.

⁵ Запрещена в РФ.

Г.Л. Крылов отмечает, что «ликвидация аль-Мухандиса американцами, хоть и была открытым нарушением иракского государственного суверенитета, однако отвечала интересам федеральной власти с точки зрения наведения порядка в силовых структурах» [Крылов, 2021, с. 135]. Это связано с тем, что зачастую правительства в нестабильных и постконфликтных государствах рассматривают негосударственных субъектов как конкурирующих с ними за власть или как угрозу стабильности. Тем не менее курс центральных властей был направлен на стратегическую интеграцию вооруженных групп СНО в систему безопасности страны в условиях дальнейшего государственного строительства.

УЧАСТИЕ СНО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Силы народного ополчения как военно-политический элемент системы безопасности, по мнению представителей движения, выступают фактором укрепления государственности и суверенитета Ирака. Разрозненные шиитские негосударственные военизированные движения получили возможность легализоваться и вошли в эту «зонтичную» для них структуру. Впоследствии численный состав СНО достиг более 100 тыс. человек. СНО включают не только шиитов, но и суннитов и представителей других этноконфессиональных групп. По словам бывшего заместителя председателя СНО Абу Махди аль-Мухандиса в интервью Инне Рудольф в 2018 г., «в СНО насчитывается более 30 000 суннитских боевиков, а также христианских группировок, в том числе группы “Львы Вавилонских бригад” Райана аль-Килдани, а также туркмены, курды, езиды и шабаки, причисленные к различным формированиям» [Rudolf, 2018]. Вне зависимости от оценки деятельности Сил народного ополчения (их обвиняли в нарушении прав человека), данная структура влияет на формирование государственности Ирака. Эти силы также были использованы в контексте установления суверенитета Ирака над Киркуком в 2017 г., когда был риск выхода Иракского Курдистана по итогам курдского референдума о независимости.

Де-факто администратором СНО в годы борьбы с ИГИЛ⁶ стал Абу Махди аль-Мухандис (до своей смерти в 2020 г.), который отвечал за перераспределение средств, полученных из государственного бюджета. Как замечает в своей статье Аль-Мараш, аль-Мухандис отдавал предпочтение проиранским группам, особенно своим собственным «Бригадам Хизбаллы». Сторонники просианских и просадриестских групп обвиняли аль-Мухандиса в манипулировании распределением средств и военной техники [Al-Marashi, 2023]. Эта напряженность, в конечном итоге, показала, что СНО стали частью более масштабного иракского конфликта за покровительство и распределение ресурсов. Этот новый элемент безопасности хотя и позволял государству эффективнее противостоять ИГИЛ⁷, одновременно нёс с собой ряд рисков.

Во-первых, эти риски были связаны с отсутствием единства самих группировок внутри СНО, поскольку существовала их принадлежность разным политическим силам с разной повесткой дня. Часть шиитских группировок была проиранской, другая часть – ориентировалась на просианские и просадриестские группы. Это влияло на методы ведения боевых действий. Так, международные правозащитные организации выражали обеспокоенность действиями бойцов СНО, совершением военных преступлений и подстрекательством к насилию (считается, что в основном это касалось проиранских групп СНО) [Raza, 2021, р. 2]. Кроме того, вхождение в СНО представителей не только шиитской общины, но и других конфессий – суннитов, христиан, езидов, шабаков и т. д. – не всегда оказывало позитивный эффект. Так, например, часть военизированных групп христианской общины

⁶ Запрещена в РФ.

⁷ Запрещена в РФ.

вливалась в СНО (наиболее известная группировка – Вавилонские бригады), другая часть – в курдскую Пешмерга. Довольно скоро вскрылся раскол между двумя вооружаемыми и финансируемыми СНО и Пешмерга христианскими группами, угрожавшими друг другу (известно из общения автора с христианскими группами Пешмерга в г. Алкош, 2017 г.).

Во-вторых, конкуренция структур системы безопасности, которая могла бы негативно сказываться на едином подходе к ведению боевых действий. В условиях поступления финансирования СНО не только из государственного бюджета, но и, как считается, из Ирана, именно дискуссии о роли и статусе народного ополчения стали вызовом для системы безопасности.

В-третьих, милитаризация политического процесса Ирака. В предвыборный период стало ясно, что отдельные лидеры СНО рассчитывали на политическое представительство [Rudolf, 2018, p. 30]. Несмотря на прописанный в законодательстве запрет военным заниматься политикой (Закон о политических партиях от августа 2015 г.), это не мешало отдельным военным лидерам СНО уходить официально из структуры – сохраняя неформальное влияние – и включаться в электоральный процесс. По итогам парламентских выборов 2018 г. коалиция «аль-Фатх», аффилированная с СНО, во главе с лидером проиранской группировки «Бадр» Хади аль-Амири заняла 47 мест из 329 [Rudolf, 2018, p. 30]. Это делало ее второй крупнейшей парламентской силой. Несмотря на то, что на выборах 2021 г. блок «аль-Фатх» получил лишь 17 мест (это было ожидаемо после революции «гтишрин» 2019 г. и агрессивной избирательной кампании их конкурентов, включая садристов), голоса не потерялись. В основном эти голоса перетекли к союзникам аль-Фатх – коалиции «Правовое государство» во главе с Н. аль-Малики, получившим 33 депутатских места. Совместные действия Нури аль-Малики и Хади аль-Амири во главе объединенного блока «Координационной структуры (или рамки)» (на араб. – аль-итар ат-тансикий) преодолели стремление победившего в 2021 г. на выборах Муктады ас-Садра сформировать правительство «национального большинства». Таким образом лидерам СНО удалось сохранить свою внушительную роль в политическом процессе.

ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО ДЛЯ СНО

Роль СНО как официального института системы безопасности сохраняет свою актуальность в современном Ираке. Лидеры СНО подчеркивают свое отличие от структур вроде Хизбалла (Ливан) или Ансарулла (Йемен), поскольку в отличие от последних СНО сформировались как официальный институт внутри государственной системы безопасности.

Сегодня СНО обладают боевым опытом, историей борьбы за суверенитет государства, выстроенной структурой, функционирующей внутренней бюрократией, стабильным финансированием и политическим представительством, что делает организацию не только военной, но и политической силой. Сложилось два подхода исследователей и наблюдателей к рассмотрению роли СНО в системе безопасности Ирака. Согласно первому подходу, СНО, опираясь на чисто внутрииракскую базу, стратегически являются ключевым элементом укрепления государственности и системы безопасности Ирака (СНО сыграли роль в борьбе с терроризмом и вернули государственный контроль за обширными территориями). Согласно второму, СНО, имея в том числе иностранное влияние (со стороны Ирана), становятся малоконтролируемой вооруженной структурой, включенной в Вооруженные силы и выступающей как самостоятельный политический актор, что подрывает монополию государства на насилие. Это и есть тот парадокс НГА, о котором мы писали в начале статьи. *Решение этого парадокса лежит в плоскости помещения СНО в исторический контекст развития этого актора – СНО должны рассматриваться как государствоцентричный*

вооруженный НГА, находящийся в процессе эволюции и интеграции в государственные структуры.

Одновременно с этим в период после ИГИЛ⁸ можно обозначить следующие вопросы, которые встали перед самими СНО: какова роль СНО в борьбе против вызовов экстремизма и терроризма после победы над ИГИЛ⁹ и как обеспечить необходимое финансирование? Сможет ли Народное ополчение приспособиться к работе по предоставлению социальных услуг населению и что для этого необходимо (поскольку часть иракского общества об этом думала)? Какова роль СНО в будущем иракском общественно-политическом устройстве? СНО постепенно находили ответы на эти вопросы.

Во-первых, лидерами СНО считается, что восстановление государственности Ирака требует сохранения борьбы с терроризмом и экстремизмом, что есть их *raison d'être*. Для этого необходимы, как представляется, как перманентный процесс примирения с частью суннитского населения путем действенного инкорпорирования его представителей в органы власти, так и концентрация вооруженных сил на контртеррористической и разведывательной деятельности. Спящие ячейки ИГИЛ¹⁰ до сих пор представляют серьезную угрозу безопасности. В этом плане в рамках конференции в июне 2023 г. один из лидеров СНО Х. аль-Амири заявил о том, что государство должно продолжать финансировать и вооружать СНО, поскольку вызовы терроризма и экстремизма сохраняются. СНО не только опираются на военные ресурсы для продвижения своей повестки, но и уделяют внимание борьбе с экстремизмом и терроризмом на идейном фронте. По словам аль-Амири, для победы на идейном уровне необходимы, в т. ч. стратегия и научный обмен между хаузой и университетами, научными центрами [International Scientific Conference, 2023]. В 2023 г. стало известно, что в иракском бюджете предусмотрены засекреченные статьи на финансирование деятельности СНО. Так, в СМИ отмечается, что в засекреченном бюджете СНО предполагается финансирование разведывательных миссий структуры. СНО стали вторым подобным институтом после службы иракской разведки, финансирование собственных операций которой также засекречено [Al-Nawab, 2023].

Во-вторых, по мнению ряда лидеров СНО, организации необходимо было включаться в реальное экономическое восстановление разрушенных войной регионов страны, поскольку того требовали политическое урегулирование и новый социальный контракт (риторика руководства СНО, скорее всего также предполагавшая наличие финансовых выгод). СНО приводили аргументы того, что неспособность удовлетворить нужды населения приведет к радикализации части общества и создаст благоприятную для террористов атмосферу. В этих целях интересным можно назвать растущую роль СНО в экономике. Ранее было известно об отдельных КПП, принадлежащих СНО, контролировавших перевозку грузов. Но лидеры СНО стали влиять и на распределение ренты, формирование государственного бюджета, перераспределение иных благ. Считается, что группам Сил народного ополчения принадлежит разнообразный бизнес (подробнее в работе И. Рудольф *Tracing the Role of the Violent Entrepreneurs in the Iraqi Post-Conflict Economy* [Rudolf, 2023]). Но наиболее резонансным оказалось создание крупной инжиниринговой корпорации. 13 марта 2023 г. стало известно об официальном свидетельстве о регистрации компании «Аль-Мухандис Контрактинг» (полностью *Al Mohandes General Company for Construction, Engineering, Mechanical, Agricultural and Industrial Contracting – n.p.m. a.s.m.*) [Maahadu Washington, 2023]. Генеральным директором этой компании был назначен инженер Салах Махди при прямом подчинении руководству Организации народного ополчения. Компания была названа в

⁸ Запрещена в РФ.

⁹ Запрещена в РФ.

¹⁰ Запрещена в РФ.

честь лидера сил СНО во время войны против ИГИЛ¹¹ Абу Махди аль-Мухандиса, убитого вместе с Касемом Сулеймани американцами в 2021 г. Организация аффилирована с представителями СНО Ирака, что свидетельствует об изменениях в работе Сил народного ополчения и нацеленности на включение в экономический сектор.

В-третьих, с точки зрения СНО, политический процесс в Ираке зависит от локальной и региональной динамики: в первом случае организация должна обеспечивать свое присутствие в коалиции с другими внутрииракскими силами, во втором случае организация в основном ориентируется на Иран. На локальном уровне, несмотря на запрет участвовать в политике для членов СНО, связанные с ними лица продвигают политическое представительство в парламенте и правительстве для обеспечения своих интересов. Тем не менее выборы 2021 г. показали ограниченность ресурсов организации (резкое уменьшение количества депутатов, видимо, на фоне т. н. эффекта революции «тишрин» – массовых выступлений 2019–2020 гг., направленных против как «старых» политиков, так и засилья проиранских лиц во власти). Риски были нивелированы альянсом коалиции «аль-Фатх» с Правовым государством Н. аль-Малики, в результате которого с трудом, но удалось «выбить почву из-под ног» М. ас-Садра, предлагавшего даже распустить и затем инкорпорировать бойцов СНО в иракскую армию. Лидеры СНО, такие как Фалех аль-Файяд, Кайс аль-Хазали, Хади аль-Амири, успешно оказывали серьезное влияние на принятие политических решений в Багдаде. Это позволяет говорить об их интеграции в, пусть и разрозненные, политические элиты государства.

На региональном уровне многое зависело от американо-иранской и саудовско-иранской динамики. Ирак с 2003 г. был геополитическим полем битвы за влияние между внешними силами. Общеиракскую позицию, наверное, яснее всех выразил советник премьер-министра Ирака Ф. Алааддин, считающий, что подобное положение дел должно смениться усилением роли Ирака как партнера и игрока, имеющего рабочие контакты с различными акторами, в первую очередь Ираном и Саудовской Аравией [Alaaldin, 2023]. В свою очередь, сближение Ирана и Саудовской Аравии 2023 г. СНО встретили в целом молчаливо, поскольку сомневались в намерениях Эр-Рияда [Al-Nasab, 2023]. Учитывая внутреннюю и региональную динамику, СНО продолжит сохранять военный потенциал, политическое представительство и, очевидно, стремится к занятию своего места в экономической сфере.

Выход основных американских сил в конце 2011 г. из Ирака и кризис правительства Н. аль-Малики привели к процессам распада государственности и распространению ИГИЛ¹² в Ираке. В 2014 г. Ирак находился на стадии отмирания старых структур и подходов к управлению, показавших свою несостоятельность. В ответ на эти события шиитский религиозный лидер Ирака А. ас-Систани издал фетву, которая призвала к мобилизации и защите Ирака и его народа. В практической плоскости под эгидой Сил народного ополчения были объединены вооруженные негосударственные акторы (НГА), наличествовавшие в Ираке до 2014 г. и сформированные в ответ на фетву. Группировки СНО внесли вклад в борьбу против ИГИЛ¹³, проходя через процесс легализации как одной из официальных и ключевых структур Вооруженных сил Ирака (тем не менее по состоянию на 2024 г. продолжается процесс институционализации и интегрирования в государственный аппарат).

СНО могут рассматриваться как государствоцентричный вооруженный НГА, находящийся в процессе трансформации и интеграции в государственные структуры. В 2022–

¹¹ Запрещена в РФ.

¹² Запрещена в РФ.

¹³ Запрещена в РФ.

2024 гг. наблюдается цементирование положения организации и обеспечение ею финансирования, в т. ч. путем включения в экономические и бизнес-проекты по восстановлению страны. СНО продолжают оставаться в процессе формирования политического и экономического представительства своей организации. Кроме того, заметно включение лидеров СНО в политическую элиту страны, что делает их её частью. Процесс трансформации государствоцентричного вооруженного НГА и его интеграции в государственные структуры безусловно может сопровождаться отдельными эксцессами, но курс центральных властей направлен на стратегическую интеграцию вооруженных групп СНО в систему безопасности страны в условиях дальнейшего государственного строительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Крылов Г.Л. «Силы народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 года. *Общественные науки и современность*. 2021. № 2. С. 126–143 [Krylov G.L. Popular Mobilization Forces (Quwwat al-Hashd al-Shaabi) as a Factor Influencing Security and Political Situation in Iraq after 2014. *Social Sciences and Contemporary World*. 2021. No. 2. Pp. 126–143 (in Russian)].

Лебедева М.М. Негосударственные акторы мировой политики. *Теория политики. Практикум*. Под ред. Т.А. Алексеевой и И.Д. Лошкарева. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 436–452 [Lebedeva M.M. Non-State Actors in World Politics. *Theory of Politics. A Workshop*. T.A. Alekseeva, I.D. Loshkarev (eds.) Moscow: Aspekt Press, 2019. Pp. 436–452 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш. *Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности*. М.: ИВ РАН, 2023 [Mamedov R.Sh. *Iraq at the Beginning of the 21st Century: On the Way to a New Statehood*. Moscow: IOS RAS, 2023 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 357–370 [Mamedov R.Sh., Sapronova M.A. Features of the Political Development of Iraq in 2003–2020: the Formation of a New Elite. *Scientific Dialogue*. 2021. No. 1. Pp. 357–370 (in Russian)].

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 104–113 [Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. On the Issue of Classification of Non-State Actors in the Middle East. *World Economy and International Relations*. 2020. No. 6. Pp. 104–113 (in Russian)].

Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики. *Обозреватель*. 2013. № 9(284). С. 5–17 [Tsygankov P.A. Non-State Actions in International Relations: definition, political activity and typology. *Observer*. 2013. No. 9(284). Pp. 5–17 (in Russian)].

Al-Hasan T. Tawaquatu bitarajui tahdidati alfasaili didda assaudiyyati aqiba altaqarubi maa iran [Expectations of a Decline in the Factions' Threats against Saudi Arabia following the Rapprochement with Iran. *Al-Mada press*. 11.03.2023 (in Arabic)]. <https://almadapaper.net/view.php?cat=285243> (accessed: 06.02.2024).

Ma Wardu fi Khutbati Aljumu ati Limumathila Almarji Iati Aldiyniati al Ulya fi Karbalai Almuqadasati Alshekh Abd al-Mahdi al-Karbalai fi 14 shaabani 1435 h. [What Has been Stated in the Friday Prayer Sermon by the Supreme Religious Authority Representative in Holy Karbala, Sheikh Abd al-Mahdi al-Karbalai on (14/Shaban/1435). The Official Website of the Office of His Eminence Al-Sayyid Ali Al-Husseini Al-Sistani. 13.06.2014 (in Arabic)]. <https://web.archive.org/web/20230112015637/http://www.sistani.org/arabic/archive/24918/> (accessed: 19.01.2024).

Maahadu Washington: ziadatu ghayri adiati fi adidu quwati al-hashed al-shaabi bilarqam [The Washington Institute: Unusual Increase in the Quantity of the Popular Mobilization Forces in Numbers. *Al-Baghdadiya*. 07.06.2023 (in Arabic)]. <https://albaghdadiatv.com/عاديّة-في-عديد-قوا/> (accessed: 24.01.2024).

Muttahidun: Qanun al-hashed al-shaabi yadurr bilamaliya al-siyasiya. [Muttahidun: The Popular Mobilization Law harms the political process. *Al-Sumariya*. 25.11.2016 (in Arabic)]. <https://www.alsumaria.tv/news/186982/متحدون-قانون-الحشد-الشعبي-يضر-بالعملية> (accessed: 17.01.2024).

Al-Nawab A. Nakashat Sirriya fi Muhassasat al-Hukuma al-Iraqiya lil-Hashed al-Shaabi [Secret Expenditures in the Iraqi Government's Allocations to the Popular Mobilization Forces. *Al-Araby Al-Jadeed (The New Arab)*. 27.05.2023. (in Arabic)]. <https://www.alaraby.co.uk/politics/نفقات-سرية-في-مخصصات-الحكومة-العراقية-لـالحشد-الشعبي> (accessed: 22.01.2024).

Tashkilat al-Hashed al-Shaabi al-Iraqi [Formations of the Iraqi Popular Mobilization Forces. *The Al-saa*. 08.08.2023 (in Arabic)]. <https://alssaa.com/post/show/8654> (accessed: 15.01.2024).

Alaaldin F. Building a Strong, Capable Iraq Will Shape Its Foreign Policy. *Asharq Al-Awsat*. 04.07.2023. <https://english.aawsat.com/home/article/4415056/building-strong-capable-iraq-will-shape-its-foreign-policy> (accessed 05.02.2024).

Burton J.W. *Systems, States, Diplomacy and Rules*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

Cambanis T., Esfandiary D., Ghaddar S., Wahid Hanna M., Lund A., Mansour R. *Hybrid actors. Armed groups and state fragmentation in the Middle East*. New York: The Century Foundation, 2019.

Dodge T. *Understanding the Role of al-Hashd al-Shaabi in Iraq's National and Transnational Political Field*. POMEPS Studies 37: Challenges to the Middle East North Africa Inclusionary State. 2020.

Eriksson J., Grief I. The Iraqi State's Legitimacy Deficit: Input, Output and Identity-Based Legitimacy Challenges. *Global policy*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 363–372.

Esfandiary D., Tabatabai A. Iran's ISIS Policy. *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 1. Pp. 1–15.

Gaston E., Ollivant D. *U.S.-Iran Proxy Competition in Iraq*. Washington, DC: New America, 2020.

Haddad F. *Understanding Iraq's Hashd al-Sha'bi*. USA: The Century Foundation, 2018.

Haddad F. Iraq's Popular Mobilization Units: A Hybrid Actor in a Hybrid State. *Hybrid Conflict, Hybrid Peace: How Militias and Paramilitary Groups Shape Post-Conflict Transitions*. A. Day (ed.) New York: United Nations University, 2020.

International Scientific Conference titled (The Competent Jihad Fatwa: Importance – Contents – Dimensions). *Website of the Baghdad International Center for Studies and Peacebuilding*. 23.08.2023. <https://clck.ru/3DCQ7W> (accessed: 15.02.2024).

Law № 40 from 2016 on Popular Mobilization Forces. *Official Newspaper of the Iraqi Republic*. 2016. Vol. 4429. P. 3 (in Arabic)

Al-Marashi I. Iraq's Popular Mobilisation Units: Intra-Sectarian Rivalry and Arab Shi'a Mobilisation from the 2003 Invasion to Covid-19 Pandemic. *International Politics*. 2023. No. 60(1). Pp. 194–213.

Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. Vol. 25. No. 3. 1971.

Raza F. US-Iran Tensions and Instability in Iraq: Role of the Popular Mobilisation Units. *Strategic Studies*. 2021. No. 41(2). Pp. 1–15.

Rosenau J.N. *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and Systems*. New York: Free Press, 1969.

Rudolf I. *From Battlefield to Ballot Box: Contextualising the Rise and Evolution of Iraq's Popular Mobilisation Units*. London: ICSR, 2018.

Rudolf I. *Tracing the Role of the Violent Entrepreneurs in the Iraqi Post-Conflict Economy*. *Intelligence briefing*. Washington, DC: The New Lines Institute for Strategy and Policy, 2023.

Wolfers A. The Actors in World Politics. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Wolfers A. (ed.) Baltimore, Md: Johns Hopkins Press, 1962.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАМЕДОВ Руслан Шакирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ruslan Sh. MAMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.